
Андрей Любимов
Дракон, я солгала о дочери

Диана Фурсова

Дракон, я солгала о дочери

https://litres.ru/74758929

Аннотация

На рынке я встретила человека, которого двадцать лет называла погибшим. Густав улыбнулся мне, как старой знакомой. Он даже не знал, что у него есть дочь.

Элле двадцать четыре. Ей предстоит решить, захочет ли она познакомиться с отцом. А мне придётся объяснить Густаву, почему я промолчала, хотя знала, куда писать.

Я приготовилась к его злости. К тому, что рядом с ним мне снова захочется смеяться, я оказалась совсем не готова.

Содержание

Глава 1. Человек у яблочного лотка 4
Глава 2. Не погиб 11
Глава 3. Двадцать четыре года 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Глава 1. Человек у яблочного лотка

Жёлтое яблоко с красным боком и длинным листком у черенка покатилось под ноги Фриде, когда она уже протянула торговке деньги. Фрида прижала корзину локтем и наклонилась, но раньше нее плод поднял мужчина в зеленой куртке.

— Это не ваше, — сказал он торговке. — У вас все с вмятиной на том боку, который повернут к покупателю. А это хорошее.

— Так и платите за хорошее, Штайн.

Фрида выпрямилась слишком быстро. Край корзины задел подбородок.

Мужчина повернулся на звук. Он стал шире в плечах, волосы у висков чуть посветлели. На переносице осталась знакомая складка: прежде она появлялась, когда он считал расходы и никак не мог поверить, что веревка стоит дороже хлеба.

— Фрида?

Голос она узнала сразу: он почти не изменился.

— Густав.

Торговка перехватила яблоко у него из пальцев.

— Хорошее тоже не ваше. Еще поговорите, потом взвешу.

Он рассмеялся и отступил от лотка, освобождая место женщине с двумя пустыми мешками. Фрида осталась стоять. За спиной кто-то попросил ее подвинуть корзину, и она по-

слушно переставила ее к другой ноге.

— Сколько же лет, — сказал Густав.

Фрида знала сколько. Знала с точностью до времени года.

— Давно.

— А я думал зайти к тебе. Мне сказали, мастерская Леман у Малого моста — твоя. Потом решил: что это я являюсь прямо посреди работы? Сам не люблю, когда встают над душой, пока я делаю прививку, и вспоминают, каким я был в двадцать лет.

Он улыбался без осторожности. Перед ним стояла женщина, с которой когда-то было хорошо, а потом жизнь пошла дальше. Он не ждал удара. Это оказалось почти невыносимо.

— Мастерская моя, — ответила Фрида. — Да.

— Ты все-таки осталась с глиной.

— Она не возражала.

Шутка вышла прежняя, короткая, удобная. Густав снова улыбнулся, и Фрида вдруг представила, как просто могла бы пройти эта встреча. Они выпили бы горячего ячменного напитка у навеса. Она рассказала бы про печь, которую пришлось перекладывать, он — про города, где работал. Потом разошлись бы. Не каждый человек перечисляет при случайной встрече всех своих близких.

От этой легкости ее затошнило.

— А ты здесь надолго?

— До весны пока. У Альмы Рейнер сад за мельницей. Град в прошлом году побил молодые ветви, она сначала решила,

что обойдется обрезкой. Не обошлось. Нужны руки и время. Руки я привёз. Живу там же, в доме у южных ворот.

Он показал ладони: темные следы древесного сока, старая поперечная царапина, короткие ногти. Фрида помнила эти руки другими, хотя ничего существенного в них не изменилось.

— Время тоже?

— Надеюсь. Я больше не беру три работы сразу. Хотя Альма считает, что две я все-таки спрятал.

С края площади донесся удар молотка. Чинили ограждение возле весовой будки. За торговыми рядами виднелись мачты речных барок, а дальше, у верфи, поднималось светлое полотно, которым накрывали строящиеся лодки.

Элла вчера сказала, что сегодня будут переворачивать корпус. Фрида не спросила, во сколько. Хотела принести ей пирог, но утром тесто не подошло, а потом пришел заказчик.

Густав проследил за ее взглядом.

— Тебе на ту сторону?

— Позже.

— Давай тогда отнесу корзину. Или ты опять скажешь, что я уроню все самое нужное?

Она помнила и это. В молодости он уронил не корзину, а сверток с двумя сырыми чашками. Вместо ручек получились плоские глиняные уши. Они целый вечер их переделывали, и Фрида тогда смеялась так, что едва могла держать стеку.

— Не надо, — сказала она слишком резко.

Он опустил уже протянутую руку.

— Хорошо.

Яблок она так и не купила, и корзина была почти пустой. В ней лежали только купленная бечевка, кусок ткани для процеживания глазури и кошелек. Отказ не мог сойти за заботу о хрупком грузе.

— Я не потому, что...

Фрида замолчала. Сейчас она могла объяснить ему все, кроме того, что следовало сказать. Про заказ, про торопливость, про глупый ушибленный подбородок. Любая мелочь предлагала удобный выход.

— У тебя дела, — помог он.

Она посмотрела на его лицо и поняла, что снова позволит ему придумать за нее безобидную причину, если немедленно не остановится.

— Мне нужно с тобой поговорить. Не здесь.

Улыбка исчезла. Он не испугался, только стал внимательнее.

— Сегодня?

— Завтра утром. Если можешь.

— Могу. Где?

Фрида едва не назвала свою мастерскую. Там было проще: она могла поставить чайник, переставить чашки, спрятать руки в привычном деле. Но приглашать его в дом, где на полке стояла деревянная птица, которую Элла вырезала в двенадцать лет, и начинать разговор только после того, как

он сам ее увидит, было бы еще одной уловкой.

— У нижней пристани. Возле старого спуска. В девять.

— Я приду.

Он не стал спрашивать, о чем речь, при торговке и проходивших людях. Фрида была благодарна ему за это и тут же устыдилась благодарности: даже сейчас ей хотелось получить облегчение раньше, чем он узнает правду.

Торговка поставила на лоток мешочек.

— Ваши, Штайн. Шесть штук. Одно с вмятиной, как вы любите.

— Именно его я вам и оставлю на память. — Он вынул помятое яблоко и положил на лоток.

Он заплатил, взял мешочек, а торговка всё-таки сунула помятое яблоко сверху. Монеты звякнули в деревянной миске. Никто вокруг не заметил, что у Фриды перестали слушаться пальцы.

— Ты побледнела, — сказал Густав уже тише. — Сесть хочешь?

— Нет. Я пойду.

— До завтра, Фрида.

Она кивнула и прошла между прилавками. Она боялась оглянуться: вдруг он махнет ей рукой, все еще радуясь встрече.

За углом Фрида остановилась у стены булочной. Из открытого окна пахло подгоревшей коркой. Помощник пекаря пытался развязать мешок с мукой и ворчал на тугой узел.

Фрида долго смотрела на его пальцы, пока не поняла, что стоит поперек двери.

Она отошла.

В мастерской Грета размешивала густую белую глазурь. На столе рядами сохли маленькие кувшины, сделанные по осеннему заказу верфи.

— Красную глину привезли, — сказала помощница. — Только возчик опять поставил у черного входа. Вы ведь просили под навес.

— Перенесем утром.

— Если ночью пойдёт дождь, мешки промокнут.

Фрида сняла пальто и вместе с Гретой перенесла тяжелые мешки. На последнем порвался верхний угол, красный порошок рассыпался по камням. Фрида нашла щетку, смела его в жестянку. Простые движения помогали не думать сразу обо всем.

— Вы сегодня какая-то не своя, — заметила Грета.

— Да.

— Тогда ручки не делайте. Вчерашние ещё мягкие. Сомнёте, если будете думать о другом.

Фрида поставила жестянку на полку.

— Я уйду пораньше. Печь сегодня не зажигаем.

— Я помню. Большие еще не высохли.

У двери Фрида задержалась. В прежние годы она непременно сказала бы, что идёт к Элле по семейному делу или несёт ей пирог. Любой ответ сгодился бы, лишь бы Грета

больше не спрашивала.

— Спасибо, — сказала она вместо этого.

До верфи было двадцать минут пешком. Пирога у нее не было. По дороге она прошла мимо лавки со сладкими орехами, которые любила дочь, и не остановилась. Сегодня не следовало приходить с гостинцем впереди правды.

На лестнице к комнате Эллы пахло стружкой и мокрой шерстью. Фрида поднялась, прижимая ладонь к гладким перилам. За дверью что-то упало, затем дочь негромко выругалась.

Она могла уйти, пока ее не услышали. Завтра сказать Густаву сначала, попросить его подождать, вместе придумать, как будет лучше для Эллы. В голове уже складывались убедительные доводы. Фрида узнала их: столько лет они меняли слова, но предлагали одно и то же — решить без дочери, что ей позволено знать.

Фрида постучала.

Глава 2. Не погиб

Элла открыла дверь с деревянным клином в руке.

— Только не говори, что у тебя тоже сломался стул.

— Нет.

— Тогда проходи. У меня один здоровый, второй я сейчас заставлю передумать.

На полу лежал перевернутый табурет. В расшатанный паз Элла забивала тонкий клин, а рядом на ткани сохла клеевая кисточка. Она жила здесь третий год и каждый раз, когда хозяйка предлагала заменить старую мебель, отвечала, что сначала попробует сама.

Фрида сняла пальто. Дочь повесила его на крючок, отодвинула от стола несколько чертежей и указала на стул у окна.

— Садись. Я еще не ужинала. Ты будешь?

— Элла, мне нужно тебе сказать.

Дочь перестала складывать листы.

— Что случилось?

Фрида стояла между столом и дверью. Ей вдруг захотелось сначала спросить про корпус, про работу, про расшатанный табурет. Услышать обычный ответ, пока это еще было возможно.

— Твой родной отец жив, — сказала она. — Его зовут Густав Штайн. Он сейчас в Эрдене. Я встретила его сегодня

на рынке.

Элла машинально потянулась положить чертёж на стол, но лист задел спинку стула и соскользнул на пол.

— Что?

— Он не погиб. Я тебе солгала.

За стеной хлопнула дверь. Кто-то пробежал по лестнице, потом стало тихо. Фрида слышала, как внизу скребет оконную раму ветка.

— Ты ошиблась? — спросила Элла. — Тогда ошиблась?

— Нет.

— Он вернулся, а ты не знала?

— Нет. Я знала, что он жив.

Элла медленно опустилась на край кровати. Клин остался в ее пальцах. Она посмотрела на него и положила возле подушки, словно только теперь заметила.

— Ты говорила, что это случилось в дороге. До моего рождения.

— Да.

— Что его не смогли привезти домой.

— Да.

— Ты сама это придумала?

Фрида кивнула.

— Я сама.

Дочь посмотрела в окно. На подоконнике стоял узкий стакан с тремя карандашами. Один был обломан у самого грифеля, и Элла машинально повернула его концом вверх.

— Он знает обо мне?

— Нет. Завтра утром я ему скажу.

— Почему не сегодня?

Фрида села, потому что ноги уже не держали ее как следует.

— Я хотела, чтобы сначала узнала ты. От меня.

— Какое внимательное решение.

Элла произнесла это негромко. Фрида не попыталась смягчить слова или объяснить, что сейчас старается поступить лучше.

— Где он был?

— Уехал работать в Ротен. Где жил потом, я не знаю. Сегодня сказал, что останется до весны в саду Альмы Рейнер.

— Ты все это время знала, где он?

— Не все. Сначала знала. У меня был адрес, по которому он просил писать. Я не написала. Потом уже не искала.

— Он тебя бросил?

Фрида сцепила ладони на коленях.

— Мы разошлись до его отъезда. Не поссорились так, чтобы не разговаривать. Просто не обещали ждать друг друга три года. О тебе я узнала позже.

— И он сказал, что ему не нужен ребенок?

— Он не знал о ребенке.

Элла впервые посмотрела прямо на нее.

— Значит, не он.

— Не он.

Дочь подняла с пола лист и разгладила на столе. Сделала это тщательно, обеими ладонями, прижала загнувшийся угол. Фрида видела на бумаге очертание носа будущей лодки. Элла несколько месяцев добивалась, чтобы Клаус разрешил ей самой рассчитать легкий корпус. Эта комната существовала не для сегодняшнего разговора. Здесь были работа, планы, недоеденный хлеб, перевёрнутый табурет. И все это Фрида сейчас разрушала признанием, с которым опоздала на много лет.

— Почему?

Она могла назвать множество причин. Молодость. Гордость. Страх получить вежливый ответ. Страх, что он вернется и будет смотреть на нее как на обязанность. Она помнила этот страх до сих пор. Перед дочерью он звучал жалко.

— Я испугалась, что он вернется только из-за тебя. Что будет жалеть меня и сердиться. Я решила, что справлюсь сама.

— Справилась?

— Я старалась тебя вырастить. И всё это время решала за тебя, что ты имеешь право знать об отце.

Элла отвернулась.

— Не говори так красиво. Ты сказала, что он умер. Я спрашивала, похожа ли я на него. Ты отвечала.

— Ты похожа. Глаза у тебя его.

— Сейчас не надо.

Фрида замолчала.

В дверь негромко стукнули. Из коридора спросили, не нужен ли Элле оставшийся клей. Дочь ответила, что зайдёт за клеем с кружкой позже. Голос у нее был обычный, рабочий, и от этого Фриде стало еще тяжелее. Элле приходилось сохранять спокойный вид перед людьми, которых она не приглашала в их несчастье.

— У меня в училище спрашивали про семью, — сказала Элла. — Для обычного списка. Я написала: отец погиб до моего рождения. Потом Клаус спросил, откуда у меня привычка держать рубанок так низко. Я сказала, что от Пауля, а про родного ничего не знаю. Он пожалел меня. Я еще рассердилась, потому что не хотела, чтобы жалели.

Фрида слушала.

— И каждый человек, которому я это говорила, теперь будет думать, что я сама врала.

— Ты не врала. Ты говорила то, во что верила.

— Я знаю. Но мне придется объяснять, если захочу назвать его. Или опять молчать. Из-за тебя мне теперь выбирать, что хуже.

Фрида опустила голову.

— Да.

— Он хоть знает, что я плотница?

— Пока нет. Я еще ничего о тебе не рассказала.

— Не рассказывай за меня все подряд. Не надо сразу моих детских историй, как будто это плата за знакомство.

— Я скажу, что у него есть взрослая дочь. О твоём детстве

расскажешь сама, если захочешь.

Элла выдохнула и потерла ладонью лицо. Только после этого спросила:

— Пауль знал?

Фрида посмотрела на трещину в краске на дверном косяке.

— Знал, что твой родной отец жив. Я рассказала ему до нашей свадьбы.

— А мне вы вдвоем говорили, что погиб?

— Эту историю придумала я. Пауль меня ни разу не поправил.

— Не делай его просто человеком, который стоял рядом. Я его тоже спрашивала.

— Я не буду.

Элла взяла со стола чашку, поднесла к губам и тут же поставила: она была пустая.

— Он ведь теперь не может мне ответить, даже если бы захотел.

Пауль умер шесть лет назад. В комнате дочери до сих пор висела вырезанная им полка. Фрида не смотрела на нее, но знала, где она находится: над сундуком, справа от окна, с неровным краем, который Элла отказалась выравнивать.

— Да, — сказала Фрида.

Дочь долго молчала. Потом поднялась и сняла с крючка материнское пальто.

— Я хочу, чтобы ты ушла.

Фрида встала сразу.

— Хорошо.

— Не приходи завтра с едой. И не проси Грету спросить, как я. Никого не проси.

— Не буду.

— И не устраивай нам встречу.

— Не устрою.

У двери Элла задержала пальто, не отдавая.

— Адрес у тебя есть?

— Сад Рейнер, дом возле южных ворот. Он живет там. Но я могу записать...

— Запиши.

Фрида нашла в корзине обрывок бумаги от покупки бечевки. Элла протянула карандаш. У Фриды так дрожала рука, что первая буква вышла угловатой. Она записала имя Густава и адрес. Время встречи не добавила.

Дочь взяла бумажку и положила на стол поверх чертежа.

— Я сама решу.

— Да.

Фрида вышла на лестницу. За спиной не хлопнули дверью. Раздался тихий щелчок защелки, потом скрип половицы: Элла отошла.

На улице уже стемнело. Фрида дошла до угла и остановилась, не зная, зачем всё ещё прижимает корзину к себе. Домой идти было недалеко. Она могла зажечь лампу, поставить воду, закрыть ставни. Завтра в девять ей предстояло сказать

правду еще одному человеку.

Впервые за много лет она не искала слов, которые уменьшили бы ее вину.

Глава 3. Двадцать четыре года

Густав пришел раньше. Фрида увидела его с верхней ступеньки: он стоял у каменного парапета и смотре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.